

T $\frac{-2}{13}$
7.7

У 2.
13.

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Э. САМАРИНА.

Томъ седьмой.

СОЧИНЕНІЯ
ЮРІЯ ФЕДОРОВИЧА
САМАРИНА.

Томъ седьмой.

СОЧИНЕНІЯ
Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ седьмой.

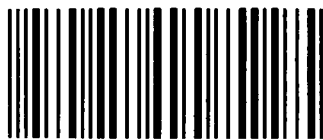
Письма изъ Риги и Исторія Риги.

ИЗДАНИЕ Д. САМАРИНА.

МОСКВА,
ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА И К°.
Леонтьевскій переулокъ, № 5.

1889.

2007041057

Оглавленіе седьмого тома.

Предисловіе	Стр. I—CXXXV
-----------------------	-----------------

Письма изъ Риги.

Письмо 1-ое. Историческое развитіе государственнаго начала въ остзейскомъ краѣ	3
Письмо 2-ое. Историческое развитіе противодѣйствія сословій государственному началу.	20
Письмо 3-е. Современное отношеніе остзейскаго края къ Россіи и къ правительству.	32
Письмо 4-ое. Положеніе Русскихъ въ остзейскомъ краѣ.	58
Письмо 5-ое. Вѣрность, законность и обязательность привилегій въ остзейскомъ краѣ.	106
Письмо 6-ое. Распространеніе православія въ остзейскомъ краѣ.	134
Письмо 7-ое. Общее заключеніе.	159

Исторія Риги.

Отдѣлъ первый. Историческое обозрѣніе отношеній города Риги къ представителямъ верховной власти. 1200—1796.	163
Періодъ I, отъ основанія Риги до подчиненія ея Польшѣ. 1200—1581 г.	165
Періодъ II, отъ подчиненія Риги Польшѣ до подчиненія ея Швеціи. 1581—1621	217
Періодъ III, отъ подчиненія Риги Швеціи до подчиненія ея Россіи. 1621—1710 г.	239

Періодъ IV, отъ подчиненія Риги Россіи до возстановленія въ ней древняго муниципальнаго устройства. 1710 — 1796 г.	252
Отдѣлъ второй. Опытъ исторіи городскихъ словій въ Ригѣ. 1200—1845 г.	269
Періодъ I, отъ основанія Риги до подчиненія ея Польшѣ. 1200—1582 г.	273
Междуусобіе, извѣстное подъ названіемъ смуть по поводу изданія новаго календаря. 1585—1604 г.	370
Періодъ II. Время польскаго и шведскаго владычества. 1582—1710 г.	396
Періодъ III. Время русскаго владычества. 1710—1845 г.	463
Отъ сдачи г. Риги до введенія Городового Положенія. 1710—1784 г.	463
Введеніе Городового Положенія. 1784—1796	483
Отъ отмены Городового Положенія до изданія Свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. 1796—1845 г.	499
Опись приложеніямъ къ опыту исторіи городскихъ словій	536
Приложенія къ исторіи Риги	539
1. Предисловіе къ первому тому книги „Общественное устройство г. Риги“.	541
2. Продолженіе исторіи Риги съ 1845 по 1849 г.	547
3. Просьбы, поданныя въ 1826 — 1829 годахъ русскими членами рижской городской общины, и объясненія, представленныя по этимъ просьбамъ рижскимъ магистратомъ.	620

Записки по остзейскому вопросу.

1. О значеніи и степени обязательности привилегій въ остзейскомъ краѣ.	637
2. Объ упраздненіи сословнаго значенія рижскаго магистрата и о преобразованіи настоящаго состава рижскаго городского общества.	651

Предисловіе.

Для правильной оцѣнки помѣщенныхъ въ этой книгѣ двухъ трудовъ Ю. Ө. Самарина: «Писемъ изъ Риги» и «Исторіи г. Риги», написанныхъ имъ слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, читателю необходимо знать, при какихъ обстоятельствахъ они были написаны и какое значеніе они имѣли въ свое время, сами по себѣ и лично для автора. Съ этою цѣлью мы предпосылаемъ этимъ трудамъ Ю. Ө—ча біографическія свѣдѣнія объ немъ, относящіяся къ 1846 — 1849 годамъ, т. е. къ тому времени, когда ему пришлось въ первый разъ заняться Остзейскимъ вопросомъ.

Закончивъ свою магистерскую диссертацию публичною защитою ея въ московскомъ университетѣ 3 іюня 1844 г., Ю. Ө., согласно волѣ отца своего, отправился 7 августа на службу въ Петербургъ. Вслѣдствіе давней связи родителей его съ семействомъ Паниныхъ, онъ поступилъ на службу въ министерство юстиціи подъ начальство графа В. Н. Панина: 27 октября онъ былъ причисленъ къ департаменту министерства, а 20 февраля 1845 г. перешелъ въ Сенатъ, въ которомъ и продолжалъ службу почти цѣлый годъ до 9 февраля 1846 г. Сначала онъ исправлялъ должность старшаго помощника секретаря въ канцеляріи перваго депар-

тамента, затѣмъ перемѣщенъ на должность секретаря того же департамента и, наконецъ, на должность секретаря общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ. Эта служба до нельзя утомляла и тяготила его, не только по самому свойству своему и потому, что она не оставляла ему времени для занятій научныхъ, но и потому, что самая жизнь въ Петербургѣ была ему вовсе не по душѣ. «Я рвусь отсюда, но не знаю куда идти, писалъ Ю. О. въ концѣ 1845 г. А. С. Хомякову; ѣхать отсюда и навсегда я уже рѣшился; крайній срокъ моему пребыванію въ Петербургѣ — весна. Послѣ этого что мнѣ дѣлать? бросить ли службу или ѣхать отсюда въ губернію? Я помышляю о Малороссіи, или о Приволжскомъ краѣ. Прослуживши годъ въ губерніи, я поѣхалъ бы на два года за-границу. Но вотъ что сокрушаетъ меня: сочетать занятія по службѣ съ занятіями учеными нѣтъ возможности — безъ нихъ я жить не могу». Къ счастью обстоятельства скорѣ сложились такъ, что сами указали Ю. О. — чу, на что онъ долженъ былъ рѣшиться. Уже 1 января 1846 г. онъ писалъ А. С. Хомякову: «Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ вамъ я просилъ совѣта; вашъ отвѣтъ я получилъ наканунѣ того дня, когда окончательно рѣшилась моя участь: я перехожу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и ѣду въ Ригу. Поповъ сказывалъ мнѣ, что онъ писалъ вамъ подробно о томъ, что творится въ Остзейскихъ провинціяхъ. Въ двухъ словахъ: задача заключается въ томъ, чтобы эманципировать низшіе классы или лучше всѣ классы (исключая одного высшаго) отъ исключительнаго господства дворянскаго сословія. Обращеніе Латышей въ православную вѣру, вовсе не вынужденное, а свободное, совершится неминуемо, само собою; остается только устранять препятствія, воздвигаемыя на каждомъ шагу Нѣмцами-протестантами и особенно Нѣмцами-православными. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ и, по моему убѣжденію, его никто не понимаетъ: ни тѣ, которые содѣйствуютъ ему, ни противная сторона. Другой во-

прось, также чрезвычайно важный, заключается въ томъ, чтобы вывести народъ изъ рабства, прикрытаго формами законности, и дать ему: 1) неотчуждаемую поземельную собственность, 2) право перехода въ сосѣднія губерніи на условіяхъ, 3) право приобрѣтенія земель, 4) для Русскихъ: право селиться на условіяхъ въ помѣстьяхъ остзейскихъ помѣщиковъ. Само собою разумѣется, что право приобрѣтенія земель распространится на всѣ сословія. Вотъ самое важное; кромѣ всего этого предстоитъ преобразовать устройство гильдій, цеховъ, магистрата и вообще торговыхъ и городскихъ законовъ. Вы видите, что дѣла довольно и, что весьма рѣдко, дѣло это такого рода, что можно взяться за него съ полнымъ сочувствіемъ, безъ зазрѣнія совѣсти. Хотѣлось бы мнѣ подробнѣе рассказать вамъ, какъ оно началось, что уже сдѣлано и какими средствами, но на это недостаетъ времени. Скажу вамъ только, что въ послѣднее время оно приостановилось бы вслѣдствіе нерѣшительности Наслѣдника ¹⁾; многія мѣры снисхожденія къ Нѣмцамъ заставляли предполагать, что они опять возьмутъ верхъ, но приѣздъ Государя положилъ конецъ колебаніямъ. На докладной запискѣ Перовскаго онъ написалъ своею рукою противъ всѣхъ вопросовъ: руководствоваться прежними разрѣшеніями, безъ всякихъ уступокъ и отступленій; а съ тѣми, которые захотятъ воздвигать препятствія, кто бы они ни были (послѣднія слова имъ подчеркнуты) поступать по всей строгости законовъ. Убѣдившись изъ этого, что дѣлу дается надежный ходъ, я рѣшился принять сдѣланное мнѣ предложеніе ѣхать въ Ригу чиновникомъ, прикомандированнымъ отъ министра къ генералу Головину ²⁾. Думаю, что вы одобрите мое намѣреніе. Избавляю васъ отъ подробнаго отчета о толкахъ, негодованіяхъ и пр., пробужденныхъ въ

¹⁾ Государь Николай Павловичъ ѣздилъ въ зиму съ 1845 на 1846 г. въ Италію; во время его отсутствія управлялъ Россією Государь Наслѣдникъ.

²⁾ Незадолго передъ тѣмъ генералъ Евгений Александровичъ Головинъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній на мѣсто барона Палена.

здѣшнемъ обществѣ мѣрами правительства: все это и смѣшно и вмѣстѣ досадно до крайности».

Однако, отъѣздъ въ Ригу состоялся не такъ скоро, какъ предполагалъ Ю. Ө.; онъ выѣхалъ въ Ригу только 21 іюля 1846 г., а до тѣхъ поръ оставался въ Петербургѣ. Изъ аттестата о службѣ его видно, что онъ 9 февраля былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а 14 февраля, по предписанію министра, былъ назначенъ «для занятій по дѣламъ Высочайше утвержденныхъ въ С.-Петербургѣ двухъ комитетовъ объ устройствѣ быта лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянъ» ¹⁾.

«Вѣроятно, писалъ Ю. Ө. въ февралѣ или мартѣ 1846 г. А. С. Хомякову, до васъ дошло извѣстіе о перечисленіи моемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Я ждалъ немедленнаго назначенія въ Ригу; вмѣсто того министръ назначилъ меня помогать производителю дѣлъ при двухъ комитетахъ, только что учрежденныхъ, для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ. Я этому радъ, ибо успѣю короче ознакомиться съ дѣломъ, отъѣздъ же мой отлагается только на мѣсяць или на полтора, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сказано. Положеніе дѣлъ въ Остзейскихъ губерніяхъ слѣдующее. Православное движеніе, по моему убѣжденію, началось вслѣдствіе свободной потребности; потребность эту потому только нельзя называть чисто-религіозною, или лучше исключительно-религіозною, что для простаго народа, въ противоположность образованнымъ классамъ, религія еще не отрѣшилась отъ жизни какъ сухая догматика и отвлеченное нравоученіе, какъ предметъ логическаго постиженія. Народъ понимаетъ перемѣну религіи какъ преобразование всего его быта; духовная потребность богослуженія, матеріальная потребность куска хлѣба и уголка земли,

¹⁾ Комитетъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, былъ учрежденъ для устройства быта исключительно лифляндскихъ крестьянъ, а подъ двумя комитетами слѣдуетъ разумѣть приготовительный и главный комитетъ по тому же дѣлу.

сознаніе опоры, которую онъ найдетъ въ правительствѣ, вражда къ презирающему его землевладѣльцу, все это выразилось въ настоящемъ событіи. Только односторонній взглядъ можетъ объяснять его изъ одного побужденія за исключеніемъ другихъ; они участвовали въ немъ все вмѣстѣ нераздѣльно. Свободное движеніе народа, сперва искусственно ускоренное мѣрами правительства, послѣдующими распоряженіями его (во время управленія Наслѣдника) было замедлено. Крестьянамъ запрещено было отлучаться изъ вотчины, для записки у приходскихъ священниковъ, безъ письменнаго вида отъ мызнаго управленія и въ рабочую пору, и это подало поводъ къ притѣсненіямъ, къ жалобамъ основательнымъ и неосновательнымъ. По пріѣздѣ Государя, послѣ долгихъ переговоровъ и преній, партія антишмецкая взяла верхъ надъ шмецкою и надъ людьми боязливыми, во главѣ которыхъ стоитъ Головинъ ¹⁾. Теперь приняты слѣдующія мѣры: основываются 32 православныя церкви и опредѣляются къ нимъ священники, знающіе латышскій языкъ; объявлено всеѣмъ перешедшимъ въ православную вѣру, что они освобождаются отъ всякихъ повинностей и оброчныхъ статей въ пользу протестантскаго духовенства; позволено всеѣмъ желающимъ записываться отлучаться безъ особеннаго разрѣшенія мызнаго управленія; строго воспрещено владѣльцамъ, подъ строжайшею отвѣтственностью, противиться переходу крестьянъ въ православную вѣру; наконецъ два помѣщика отданы подъ судъ. Не знаютъ еще, какое дѣйствіе произведутъ эти мѣры. — Съ другой стороны положеніе крестьянъ въ Лифляндіи, невыносимо бѣдственное по сознанію самихъ владѣльцевъ, обратило на себя вниманіе правительства. Для того, чтобы пособить дѣлу, назначены два комитета: первый—пріуготовительный, подъ предсѣдательствомъ Сенивина, состоитъ изъ лифляндскаго предводителя, двухъ де-

¹⁾ Вскорѣ по вступленіи въ должность генералъ-губернатора, генералъ Головинъ совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ Остзейскому вопросу и дѣйствовалъ въ направленіи вполне согласномъ съ интересами Россіи.

путатовъ, избранныхъ отъ дворянства, двухъ назначенныхъ отъ правительства, Самсона и Фелькерзама. Во второмъ комитетѣ будутъ засѣдать: Перовскій, Киселевъ, Орловъ, оба графа Палена и т. д. До сихъ поръ еще ни я да и, кажется, никто другой положительно не знаетъ, до какого предѣла пойдетъ преобразование, будетъ ли поднять вопросъ о надѣленіи крестьянъ поземельною собственностью. Кажется, едва ли; но слѣдующіе вопросы войдутъ непременно въ кругъ разсмотрѣнія: 1) Какимъ образомъ дать возможность крестьянамъ пріобрѣтать землю? Право они имѣютъ, но оно не приложимо, ибо казенныя земли не продаются, дворянскія могутъ быть пріобрѣтаемы не дворянами только на правахъ иностранцевъ, а другихъ земель тамъ нѣтъ. Не знаю, какъ они разрѣшатъ эту трудность. 2) Разсмотрѣть обязанности, повинности и оброчныя статьи (изложенныя въ вакенбухахъ), коими обременены крестьяне и облегчить ихъ. 3) Ввести посредствующую власть для опредѣленія и судебного разбирательства взаимныхъ отношеній крестьянъ и владѣльцевъ. 4) Дать крестьянамъ право перехода въ сосѣднія губерніи до Новгородской включительно. Вотъ сколько предстоитъ дѣла, а еслибъ вы посмотрѣли на призванныхъ дѣлателей!... Что за народъ, что за понятія, что за взгляды на вещи, что за разногласица! А общество!... Люди благородные, не знающіе и не понимающіе дѣла видятъ одно нарушеніе признаннаго и утвержденнаго права. Всѣ безъ исключенія чиновники смотрятъ на все это какъ на дѣло угодное правительству, безъ всякаго свободнаго участія мысли и убѣжденія: какъ бы исполнить волю правительства поскорѣе и поаккуратнѣе. Наконецъ, Перовскій и * повинуются какой-то пагубной страсти вводить всюду однообразное устройство. Только одного человѣка я встрѣтилъ, который выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ чиновниковъ. Это—Скрипицынъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, мой будущій начальникъ. Участіе его въ дѣлѣ Уніи вамъ вѣроятно извѣстно. Этотъ человѣкъ въ родѣ Вигеля, съ тою раз-

ницею, что онъ не столько замѣчателенъ умомъ и европейскою образованностью, сколько ловкостью, распорядительностью и настойчивостью. Однимъ словомъ, онъ исполнитель превосходный... Тоска и отвращеніе сжимаютъ сердце при видѣ тѣхъ людей, которымъ приходится отстаивать добрыя начала. Чего не опорочать, чего не исказить они! Что станешь дѣлать: не мудрено отойти въ сторону и умыть руки; но совѣстно, когда чувствуешь правоту самого дѣла, отказаться отъ участія изъ опасенія замарать руки. Всѣ осуждаютъ меня и смотрятъ на меня съ упрекомъ и соболѣзнованіемъ; до этого мнѣ дѣла нѣтъ... Не менѣе того я рѣшился; мое участіе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ бо́льшую важность, чѣмъ я самъ предполагалъ; всѣ знаютъ, что я дѣйствую по убѣжденію, слѣдственно внутренне одобряю если не частныя мѣры, то цѣль правительства; въ томъ кругу, къ которому я принадлежу, это—неслыханная новость, признакъ новаго направленія; такъ поняли это всѣ и самъ Перовскій; онъ знаетъ, что я иду не съ тѣмъ, чтобы быть только орудіемъ, ножомъ, которымъ можно рѣзать что угодно. Наконецъ, на счетъ успѣха начатаго дѣла меня обнадеживаетъ, можетъ быть, суевѣрное темное предчувствіе, что русское правительство, не смотря на всѣ его недостатки, запечатлѣно какимъ-то *character indelebilis*, какъ говорятъ богословы, котораго оно вполне устранить не можетъ; есть какая-то разумная сила, ни въ комъ въ особенности не проявляющаяся, но которая, будучи лишена представителя и органа, все-таки наперекоръ всѣмъ опредѣляетъ извѣстный образъ дѣйствія, извѣстное положеніе правительства. Такъ было, такъ, думаю, будетъ и въ настоящемъ случаѣ. Кто склонилъ правительство въ пользу безгласной, беззащитной массы народной?»

Этихъ выдержекъ изъ писемъ Ю. О.—ча достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, въ какомъ широкомъ объемѣ возникъ остзейскій вопросъ въ половинѣ 40-хъ годовъ. Государь Николай Павловичъ очень вѣрно понялъ значеніе

народнаго движенія, совершавшагося въ то время въ Остзейскомъ краѣ, но, несмотря на свойственную ему твердость, ему удалось только слегка надломить дисциплинированную оппозицію нѣмецкаго рыцарства, которое тащило за собою на буксирѣ петербургское общество. Въ то время, какъ и теперь, дѣло шло о болѣе тѣсномъ сліянніи Остзейскаго края съ Россіею, объ освобожденіи всей массы тамошняго народонаселенія, въ томъ числѣ и Русскихъ, изъ подъ гнета потомковъ нѣмецкихъ пришельцевъ, упорно отстаивавшихъ свои средневѣковыя учрежденія, потому что они представляли имъ опору для ихъ господства въ этомъ краѣ.

Итакъ, прежде чѣмъ ѣхать въ Ригу, Ю. Ө—чу пришлось ознакомиться съ положеніемъ крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи. Въ то время оставалось еще въ силѣ Положеніе, изданное для крестьянъ въ Лифляндіи 26 марта 1819 года. Этимъ законодательнымъ актомъ крестьяне, взявши дарованной имъ личной свободы, были лишены, съ одной стороны, своего поземельнаго права и съ другой — законнаго опредѣленія размѣра повинностей, которыя они отбывали до тѣхъ поръ на основаніи вакенбуховъ. Положеніе 20 февраля 1804 года обезпечивало за крестьянами наслѣдственное пользованіе землею, носившее названіе крестьянской, и ограждало ихъ отъ произвола въ опредѣленіи размѣра повинностей; но оно было отмѣнено въ 1819 году и крестьянамъ было предоставлено, какъ лично-свободнымъ гражданамъ, заключать добровольныя условія съ землевладѣльцами объ арендованіи у нихъ земли. Этотъ въ свое время прославленный либеральный законодательный актъ оказался ничѣмъ инымъ, какъ «весьма выгодною аферою» со стороны нѣмецкаго рыцарства, какъ укоризненно выражались въ 40-хъ годахъ нѣкоторые изъ дѣйствительно благородныхъ представителей его. Послѣдствіемъ Положенія 1819 года было: постепенное обезземеленіе крестьянъ, обращеніе ихъ въ батраковъ, посредствомъ присоединенія крестьянской земли